

Часть первая

Глава 1

Когда князь киевский Ингер вернулся из похода на греков, Свенгельд узнал об этом первым.

Уже три года, каждый раз, как собирался спать, Свен клал возле себя свой меч. Ружана, жена, посмеивалась: да неужто ты у себя дома опасешься кого? Уж не я ли на тебя среди ночи ратью пойду? Но насмешки ее были не злыми: три года прожив среди русов, древлянка Ружана привыкла к тому, что мечи для них — не только оружие, но почти божества. Свен лишь улыбался в ответ. Даже Ружане он не открыл, что такое для него Друг Воронов — меч, найденный в княжеских ларях уже после смерти старого князя Ельга, его отца.

«Послезавтра к ночи он будет здесь», — произнес голос в голове, когда Свен уже готов был отплыть из яви по мягким волнам сна.

Кроме особых случаев воины его незримой дружины всегда подавали голос на грани сна и яви.

«Кто?» — вздрогнув, Свен почти очнулся, но глаза не открыл.

Он знал: проходящих к нему этим путем нельзя увидеть по внешнюю сторону зрения.

«Кто будет здесь?» — повторил он мысленно.

«Твой конунг», — ответил ему голос Уббы, сына Рагнара, одного из самых знатных пленников меча.

В древнем клинке были заключены духи десяти человек, его прежних владельцев, но Свен давно научился различать их по голосам.

«Что?» — Свен подскочил бы, когда бы не знал уже по опыту, что резкие движения могут спугнуть незримого гостя.

Конечно, если они сейчас не на поле боя.

«Возвращается твой конунг, — обстоятельно подтвердил Убба. — С ним людей чуть больше сотни, с десяток кораблей. Стяг он сохранил, только его «сокол» обгорел немного. На дорогу ему надо еще два дня, и послезавтра к вечеру он вступит в город».

«Погодите! — взмолился Свен. — Как это — сотня человек? Остальные-то где?»

«Не меньше тысячи погибло в Босфоре. Греки встретили его в проливе и залили “влажным огнем”, как они это называют. Сотня кораблей сгорела вместе с людьми...»

«А управлял ими цесарев скопец, — вставил ехидный старческий голос: в беседу вступил Нидуд, много сотен лет назад бывший конунгом свеев. — Хранитель царского исподнего. Случись такое со мной, я бы лучше в море бросился, чем домой вернулся!»

«С тобой было не лучше — твоих сыновей убил хромой раб! — осадил его Убба. — Так что заткнись».

«Не бранитесь! — в отчаянии воззвал Свен: если духи меча увлекутся перебранкой, он не узнает больше ничего существенного. — Но где все люди? Где войско? У него было десять тысяч человек! Они что — все сгорели?»

«Хавгрим с двумя-тремя тысячами прорвался за Босфор и увидел Миклагард, — стал рассказывать Убба, — но сил на осаду у него не хватило, и он разоряет предместья. Кольберн отступил из пролива назад в море, повернул на восток и двинулся вдоль побережья в сторону Серкланда¹. Однако Ингер о них ничего не знает и считает тоже погибшими. Ну а раз он лишился войска, у него оставалось два пути: вызвать цесаря на поединок или повернуть назад...»

¹ Серкланд — арабские страны. (Здесь и далее примечания автора.)

«Или броситься в море», — опять встрял Нидуд.

«Он предпочел повернуть назад, — Свен почти видел, как Убба отмахивается от старика свея. — Ему посчастливилось безопасно пройти через болгар и прочих ваших скифов. Сейчас он в Витичеве».

«Так он что... разбит? — Наконец Свен уяснил себе, что все это значит. — И не привез никакой добычи?»

«Только ожоги. Когда, знаешь ли, на тебе горит собственная одежда и тем более железный панцирь, тут хорошего мало».

Поход на греков, который готовили два года, окончился провалом. Мгновенным и сокрушительным. Ужасаясь величине потерь и позора, Свен сам не знал, что ему сейчас надлежит испытывать: горе или радость.

«Это день твоей удачи, парень! — с воодушевлением воскликнул Нидуд. — Тот самый, которого мы ждем столько времени! Ваш конунг сейчас слаб телом и духом, как новорожденный младенец! Удача покинула его, войска при нем нет! Народ отвернется, когда увидит, как мало у него счастья! Родичи погибших проклянут его! Ты спихнешь его с престола одним пальцем, и эта держава наконец-то будет наша!»

«Можно встретить его на реке и разбить! — глухо донесся из темных далей еще один голос. — Он сейчас не сумеет тебе противостоять, и этот город станет твоим навсегда!»

Убегая от таких советов, Свен сел, потряс головой и постарался прийти в себя. Положил руку на клинок Друга Воронов. Через плотные кожаные ножны чувствовалось тепло, а голоса пленников меча еще звучали в ушах.

Ружана спала рядом, с ее стороны лежанки посапывало в подвешенной к матице люльке грудное дитя — младшее из трех. Все было тихо в богатой воеводской избе, на обширном дворе за высоким тыном. Киев спал на своих вершинах, только полная луна бродила где-то за облаками, порой бросая свет на темную землю, будто искала кого.

Свену не верилось в то, что он внезапно узнал, но он не раз уже убеждался: пленники меча, волей Одина принужденные служить нынешнему, живому владельцу Друга Воронов, никогда ему не лгут.

Такие новости нелегко было осознать. При мысли о непоправимом разгроме накатывала жуть. Из десяти тысяч воинов — гридей, ратников и наемников-варягов, — ушедших на тысяче без малого лодий, назад возвращается около сотни человек! Такие ужасные поражения встречаются только в сагах, и то у врагов.

То, что сам Ингер, двоюродный брат Свена, по завещанию Ельга Вещего получивший киевский стол, остался жив, уже мало что меняло. Если человек настолько лишен удачи, то надежд удержать власть у него немногим больше, чем у мертвеца.

* * *

Всю короткую летнюю ночь Свен почти не спал, стараясь уяснить себе тот новый мир, в котором всем киянам предстояло проснуться, а при первых проблесках рассвета поднялся, велел дать коней и поехал на Девичью гору. Город еще спал, только пастухи брели по улице, гудением рожков давая киянам знать, что пора выгонять скотину со дворов. Выходящие к воротам бабы с любопытством поглядывали на молодого воеводу Свенгельда с тремя телохранителями, в столь ранний час проезжающего от Киевской горы, где он поставил себе двор, к святилищу Макоши. Низко кланялись, а которые помоложе, даже улыбались первому из киевских бояр.

Телохранителей и лошадей Свен оставил у подножия Девичьей горы: при всей своей дерзости с людьми, с богами он неизменно бывал почтителен. Будешь почтителен, если самый видный из богов живет в мече у твоего пояса! Проходя через двор, Свен вежливо поклонился трем деревянным идолам с гладкими лицами — Макоше и ее

помощницам, Доле и Недоле. Ему ли было не знать, как часто они перенимают из рук друг у друга нить судьбы человеческой!

Его появление уже заметили: Ельга сама вышла во двор ему навстречу. Они поцеловались, и Свен ненадолго прижал сестру к себе, готовясь сообщить важные новости. Она жила теперь здесь, в святилище. На старом отцовском дворе ей не стало места с появлением новой хозяйки — Ингеровой жены, Ельги-Прекрасы. Обзаведясь после Древлянской войны собственным просторным двором, Свен охотно взял бы сестру к себе, и с Ружаной они ладили, но Ельга отказалась. Обязанности киевской княгини и старшей жрицы все еще оставались за ней, и она могла обитать в доме если не у князя, то лишь у бога. В Киеве ее почитали почти как земную богиню, преемницу Девы Улыбы, и она не могла себе позволить жить на положении незамужней воеводской сестры.

Ельга-Поляница, единственная законная дочь Ельга Вещего, уже давно была зрелой женщиной — ей исполнилось двадцать лет. Но о замужестве ее не заходило речи: никто из мужчин, даже княжеского рода, не был ровней ей, зато любой муж вместе с ее рукой получил бы право на киевский стол. Поэтому сама она не желала идти замуж из гордости, а Ингер не стремился выдать ее, свою вуйную сестру¹, из осторожности. А ведь когда Ельга-Поляница показывалась в городе, и мужчины, и женщины не сводили с нее восхищенных глаз. Рослая, крепкая, с крупными правильными чертами лица, с длинной рыжевато-золотистой косой, со свежим румянцем, она была хороша, как Заря-Зареница. Мед и пиво, которые она разливала гостям на княжеских пирах, казались вдвое слаще, будто она владела даром подмешивать в них солнечный свет. Свен сам не переставал любоваться сводной сестрой и жалел, что такая

¹ Вуйная сестра (или брат) — двоюродные по братьям или сестрам матери.

красота, способная принести счастье какому угодно мужу, пропадает зря. Даже походка ее — плавная, уверенная и целеустремленная, — казалось, творила порядок везде, где ступали ее ноги.

— Что ты так рано? — спросила Ельга, обняв Свена. — Все ваши здоровы?

— Наши-то здоровы... — Свен оглянулся, не слышит ли их кто.

В этот ранний час в святилище были только две-три женщины, живущие здесь постоянно, но они занимались своими делами в избе.

— А чьи нездоровы? — Ельга пристально взглянула ему в лицо.

Глаза у нее были удивительные — большие, широко расставленные, светло-карие с зелеными искрами. Благодаря изогнутому, словно лук, бровям-куницам взгляд их поражал, будто незримая стрела. Даже Свен, человек стойкий и упрямый, под этим взглядом ощущал неодолимое желание немедленно рассказать ей все, что знает.

Свен еще раз огляделся.

— Ингер возвращается. Уже завтра к вечеру здесь будет.

Ельга вскинула руку и прижала кончики пальцев к губам.

— Откуда ты знаешь? Гонец из Витичева был?

— Был гонец... — Свен отвел глаза.

— Оттуда? — Ельга положила руку на его кисть и показала глазами на меч.

Многие люди разговаривают со своими мечами, но Ельга, единственная, знала: меч Свена первым завязывает беседу. Не сразу, но со временем Свен рассказал ей о том, что волею Одина в древний меч по имени Друг Воронов, изготовленный когда-то самим Вёлундом¹, заключены ду-

¹ Вёлунд — персонаж скандинавской мифологии, волшебный кузнец, «князь альвов», особа божественного статуса. Был в плену у конунга Нидуда, но вырвался оттуда, изготовив себе крылья.

хи всех десяти его прежних владельцев, обязанные служить владельцу живому.

— Оттуда, — Свен кивнул.

— И что? — нетерпеливо спросила Ельга. — Почему так быстро? Он был в Греческом царстве?

— Был. Его разбили... еще на подходе к Царьграду, прямо в Боспоре Фракийском. — Свен приобнял сестру, боясь, что такие новости собьют ее с ног. — Потери огромные. Не меньше тысячи человек за один первый день. Варяги прорвались за пролив, но сам Ингер вроде как об этом не знает. Он повернул назад, ему больше ничего не оставалось делать. И при нем всего около сотни человек.

— Сотни... человек? — Ельга и впрямь покачнулась, распахнула глаза. — Не лодий?

— Человек.

— Ой божечки...

Ельга зажмурилась. Ей не так сильно, как Свену, слепило глаза честолюбие и собственные притязания, для которых вдруг вновь забрезжила надежда, и она острее него осознавала ужас случившегося. Со всей Полянкой земли собирали ратников для этого похода. Посылали боярина Ивора, Ингерова старого кормильца, на его родину, в Холмогород, чтобы взять ратников со словен ильменских. Приглашали людей от плесковских кривичей, откуда родом была Ельга-Прекраса, от кривичей-смолян и радимичей. Наняли за Варяжским морем две тысячи воинов, обещая им богатую добычу из усыпанной золотом Греческой страны.

Но наибольший ужас Ельгу охватывал при мысли о потерях полян. Это были не какие-то варяги или кривичи — это были свои, сыновья, внуки, зятья и сестрички киевских бояр, нередко сидевших за ее столом, принимавших медовые чаши из ее рук. Если отроков поманили добычей, а вместо этого увели на быструю, ужасную, бесславную смерть...

— Полянская земля не простит нам этого! — выдохнула Ельга, не решаясь открыть глаза и цепляясь за руку Свена.

— Не нам! — выразительно поправил Свен. — Ему!

Ельга наконец открыла глаза и посмотрела в лицо сводному брату. В детстве они, так несхожие по своему положению, жили каждый своей жизнью, да и разница в возрасте — Свен был старше на семь лет — в те годы была для них пропастью. Но после смерти Ельга, когда Киев и вся Русская земля вдруг остались на руках у них двоих, они сблизились и сумели отразить первые натиски судьбы. Рожденный от рабыни, Свен не мог считаться полноправным наследником отца, потому Ельг и завещал державу сыну сестры, но три года назад кияне, уставшие от долгого безвластия, готовы были признать своей госпожой Ельгу-Поляницу. Свен стал бы при ней воеводой, и у него в руках оказались бы все дела войны, торговли и сбора дани, недоступные женщине.

Но в те самые дни, когда они подошли к ступеням престола вплотную, с севера явился Ингер, которого уже перестали ждать..

— Послушай! — Свен склонился к самому лицу сестры и зашептал: — Это наш случай! — Вольно или невольно, он повторил слова, ночью услышанные от старика Нидуда. — Он показал, что у него удачи не больше, чем у мертвеца. Он выиграл ту войну с древлянами, но тогда в войске был я! Теперь он пошел на войну сам, не взял меня, чтобы не делиться славой и добычей, и нашел одно горе, смерть и срам! Это его земля Полянская не простит! Не простит потерь и позора! В каждом роду будут причитывать по своим! В каждом роду его будут попрекать и проклинать! От него отвернется даже собственная дружина, потому что вождь без удачи — не вождь, а.. бревно, хуже бабы! Он станет ничем, пустым местом, пожалеет, что не погиб! Я бы на его месте сам в море бросился!

Свен осекся, заметив, что опять повторяет слова Нидуда.

— Если мы не растеряемся, то стол будет наш, — переводя дух, прошептал он в ухо сестре. — Я мог бы.. вовсе не пускать его в город. Подождать на островах.. и покончить с ним. Свалился он нам, как снег на голову, так пусть и растаял бы, как снег!

— Замолчи! — резко бросила Ельга и отодвинулась. — Как бы ни было, пусть он лишен удачи, но он твой брат! Он наш брат, в нем наша кровь, и я не позволю даже думать о таком!

Свен вздохнул и отвернулся. Он понимал, что советы пленников меча завели его далеко, но, не зная Ингера в детстве, привык смотреть на него, как на соперника, захватчика Ельгова стола, а не на собственного родича, имеющего на этот стол право крови.

— Мы должны принять его! — потише, но так же уверенно продолжала Ельга; видя, как трепещут ее ноздри и невольно поджимаются губы, Свен понимал, что ее толкает на это лишь долг, а не сердечное желание. — Должны принять и поддержать.. как брата. А там уж.. пусть земля Полянская решает.

Свен глубоко вздохнул. Вот опять, как три года назад, участь киевского стола будет решать земля Полянская, то есть собрание старейшин, глав родов, что и составляют эту землю. Три года Ингер, сын Хрорика занимал этот стол и был здесь полноправным владыкой, но поражение сбросило его опять к нижним ступеням.

— Не говори пока никому, — попросил Свен. — Два дня еще есть.. сам подумаю, как быть.

— Не делай ничего без моего ведома! — предостерегла Ельга, и Свен кивнул.

В ее руках была священная власть, ее голосом говорили боги земли Полянской, и ни одно важное дело не решалось мужчинами без совета с ней.

— Только как же... — окликнула Ельга, когда Свен уже повернулся, намереваясь уйти, — а как же... она? — Ельга-Поляница выразительно кивнула в сторону Киевской горы, где стоял княжий двор. — Русалке-то... надо бы сказать.

Русалкой они между собой называли жену Ингера, плесковитянку Ельгу-Прекрасу. Имя Ельга Ингер дал ей сам, когда женился на ней и вводил в свой род, чтобы закрепить за ней полные права госпожи княжеского дома. Ельга-Поляница, свое родовое имя получившая от отца, до сих пор в душе содрогалась от негодования, слыша, как священным именем древних королевских дочерей-валькирий называют дочь какого-то варяга-перевозчика с реки Великой!

— Она и поначалу-то тревожилась, а уж месяца два ходит, как в воду опущенная, — продолжала Ельга. — Чадо схоронила, муж невесть где... Хоть живой воротился, ей и то будет радость.

— Потерпит еще два денечка, — безжалостно ответил Свен.

Но в душе его что-то дрогнуло при мысли об этих двоих, которые завтра вечером встретятся и каждый преподнесет другому ужасные, губительные вести. Поражение, разгром, позор Ингер привезет из похода, а дома узнает, что их единственный сын, годовалый Ельг, умер перед Купалиями от какой-то лихорадки, поболел всего-то два дня. Эта пара опять бездетна. У Ингера в Киеве снова нет наследника, и возможность возвести Ельгу-Прекрасу на княжий стол и дать ей права княгини вновь отодвигается, самое меньшее, на четыре года..

— Божечки, горя-то сколько! — вырвалось у Ельги, и взор ее обратился к идолам Макоши и ее помощниц. — Не дают им боги счастья!

— Знать, не принимает их земля наша, — буркнул Свен. — Ты бы им намекнула.. Станут упрямиться, и сами живота лишатся.

— Я им не суденица. — Ельга покачала головой. — Ты-то сам бы отступил от стола, чтобы живот сохранить?

Свен молча покачал головой. Они с Ингером были очень разными, но с детства тот и другой одинаково усвоили: нет ничего дороже чести и славы. Даже жизнь и счастье — ничто перед ними, и пролитая кровь лишь выше вздымает волну, несущую твой корабль.

* * *

... За те три года, что Прекраса владела умением говорить с водой, владычицы судьбы являлись ей под разными личинами — белых уток и черных выдр, молодых дев и морщинистых старух. Иные из них пугали своим видом, и она ко многому была готова, но в тот памятный день увидела такое, что подумалось невольно: это самой судьбы конец, нить оборвана...

Шел месяц кресень, приближались Купалии, по вечерам от прибрежных рощ над Днепром доносилось девичье пение, но мысли Прекрасы были далеки от веселья. В середине весны, по высокой воде, князь русский Ингер ушел с войском в Греческое царство, и Прекраса жила, как будто половину ее сердца вырвали из груди и увезли за моря. За три года их жизни в Киеве Ингер впервые ушел так далеко — дальше земли Деревской. До Царьграда одного пути, как говорят, месяца полтора-два. Ждать его назад стоило не ранее осени, и лежащая впереди разлука казалась любящей молодой жене бескрайней, будто холодное море.

Уже в первые дни Прекраса не находила себе места, но, зная, что вестям еще не время, с месяц принуждала себя быть спокойной. Потом стала порой навещать к Киеву перевозу близ устья речки Лыбеди. Пусть войско Ингера еще и не добралось до Греческого царства, но мало ли что могло случиться по пути? В областях чужих, враждебных племен ниже по Днепру. На порогах, куда выходят из степей печенежские орды. В царстве Болгарском, где правят